

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Н. Акимова. Булгарин как мемуарист 5

Воспоминания

БОЛЕЕ НЕЖЕЛИ ВВЕДЕНИЕ ИЛИ ПРЕДИСЛОВИЕ . . . 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I Первые воспоминания детства. — Разбойники и освободители. — Верный очерк тогдашних польских нравов. — Первое знакомство с русскими воинами 51

II Старинный польский дорожный поезд. — Победитель Костюшки граф Ферзен. — Первое собственное оружие. — Жизнь русских офицеров в Польше. — Польки. — Испуг 61

III Характеристический очерк последней эпохи древней Польши. — Иезуиты. — Шляхетские анекдоты. — Попытки спартанского воспитания 70

IV Внезапное и неожиданное бедствие. — Странное сватовство. — Взгляд на тогдашнюю природу и состояние тогдашней Литвы. — Освобождение. — Заезд, или *Expulsia et violentia*. — Изгнанники 81

V Старина. — Рассказ современницы о Карле XII и Петре Великом. — Знаменитый гарнец жемчуга. — Переселение в Белоруссию. — Дань благодарности первому учителю. — Переселение в Петербург . . . 91

VI Петербург за полвека пред сим. — Наружный вид столицы. — Общество. — Вельможи двора императрицы Екатерины II. — Быстрые перемены и преобразования в царствование императора Павла Петровича. — Поляки в петербургском высшем обществе. — Определение мое в Сухопутный шляхетный кадетский корпус 106

VII Сухопутный шляхетный кадетский корпус. — Малолетное отделение. — Роты. — Крещение в русскую веру. — Мои страдания и освобождение. — Офицеры и учителя. — Воспоминания о графе Ангальте. — М.Л. Кутузов, Ф.И. Клингер, граф М.И. Ламсдорф, граф Платон Александрович Зубов. — Посещение корпуса императором Павлом Петровичем. — Бывший король Польский Станислав Август Понятовский. — Смерть Суворова. — Кончина императора Павла Петровича. — Его похороны	121
Пояснения	140
Приложения	
Описание праздника, данного генерал-прокурором князем Александром Алексеевичем Вяземским 10 декабря 1776 года	149
Праздник у обер-шталмейстера высочайшего двора Льва Александровича Нарышкина	150

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I Порыв общего мнения. — Реакция. — Новая форма и новые моды. — Перемены в корпусе. — Якорь спасения, или Наставник, друг и благодетель. — Русская литература в корпусе. — Первый успех, щедро вознагражденный. — Новая жизнь. — Литературные идеи. — Корпусные знакомства. — Барон Иван Иванович Дибич. — Три брата князя (ducs) де Броглио. Саша Клингер. — Поэт Крюковской. — Пробуждение страсти к авторству. — Характеристические черты барона И.И. Дибича. — Музыка необходима военному человеку. — Церковный певчий. — Отчаяние матери. — Празднование столетия Петербурга. — Перемены в корпусе. — Что всего более способствовало нашему умственному развитию	152
--	-----

II Петербургское общество при начале царствования императора
Александра. — Первенство любви и барства в роде Нарышкиных. —
Неподвижные звезды на горизонте общества. — Благодетельные
государственные учреждения и высокое направление. — Страсть
к увеселениям. — Театры. — Музыкальное собрание. — Маскарады

Фельета. — Загородные праздники и шлюпки. — Дешевизна. — Граф Валицкий и слухи о его приключениях. — Волокитство за фортуной. — Парижские разбойники. — Оригиналы, или Эксцентрики. — Польский пан и венгерский магнат. — *Va banque!* — Гордость противу гордости, или Претендент короны польской. — Характеристика Мирабо и Лафайета. — Образец светского человека. — Выпуск из корпуса. — Цены тогдашней обмундировки 174

III Дух военной молодежи. — Молодечество и удалство. — Образчик тогдашней разгульной жизни. — Гвардейская пехота и конница. — Флот. — Молодецкая жизнь и погибель лейтенантов Давыдова и Хвостова. — Геркулес Лукин. — Примеры дружбы и самоотвержения. — Избавление Головнина из японского плена. — Уланский его императорского высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича полк. — Начало полка. — Беглый взгляд на политическое состояние Европы, предшествовавшее войне 1805 г. — Дюрок в Петербурге. — Общее уважение к нему. — Начало военных действий. — Уничтожение австрийской армии. — Знаменитая ретирада Кутузова из-под Кремса до Вишау. — Русская армия при Ольмюце. — Приход гвардии. — Аустерлицкое сражение. — Уланский его высочества полк в сражении под Аустерлицем. — Причина успеха французов. — Последствия Аустерлицкой победы. — Пресбургский мир. — Твердость императора Александра. — Новая война 1806 г. — Пруссия устремляется противу Франции . . . 191

IV Характер и темперамент. — Немцы и французы. — Порывы высшего общества в Берлине к войне. — Положение Пруссии и Франции. — Характеристика прусского главнокомандующего, герцога Фердинанда Брауншвейгского. — Пребывание его в Петербурге. — Военное искусство в Европе. — Заслуги Пруссии в этом отношении. — Тактика Фридриха Великого. — Прусское войско в 1806 году. — Тактика Наполеона. — Дух французского войска. — Достопамятные слова Наполеона на вызов Пруссии. — Начало военных действий. — Успехи французов. — Смерть принца прусского Лудовика. — Искусство Наполеона и ошибки герцога Брауншвейгского. — Совершенное поражение и уничтожение прусской армии при Йене и Ауэрштедте. — Свидетельство очевидцев. — Речь Наполеона пред войском. — Уныние и расстройство прусской

армии. — Сдача крепостей. — Вступление Наполеона в Берлин. — Впечатление, произведенное в России несчастьем Пруссии. — Император Александр объявляет войну Франции. — Рекрутский набор. — Милиция. — Воспламенение умов в России. — Патриотические чувства. — Две русские армии и две войны в одно время, с Францией и Турцией. — Формирование батальона императорской милиции. — Тогдашние Петергоф и Стрельна. — Офицерская жизнь в Стрельне и Петергофе. — Русский театр и трагедии Озерова. — Патриотическая трагедия «Димитрий Донской». — Характеристика Озерова и трагического актера Яковлева	219
Эпизод. Марш русской гвардии 1807 года. Выступление в поход	247
Приложения	249

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Предисловие	259
-----------------------	-----

I Война 1806 года. — Характеристические черты и биографические очерки трех русских полководцев этой войны: генерал-фельдмаршала графа М. Ф. Каменского, генерала от кавалерии барона Л. Л. Беннигсена и генерала от инфантерии графа Ф. Ф. Буксгевдена. — Наступательные действия русских. — Знаменитые сражения под Пултуском и Голымином. — Обе армии расходятся на зимние квартиры. — Первое устройство герцогства Варшавского и формирование новых польских войск. — Смелый и гениальный план Беннигсена. — Намерение Наполеона уничтожить всю русскую армию. — Беннигсен удачно избегает расставленных ему сетей. — Знаменитое сражение под Прейсиш-Эйлау. — Невыгодное впечатление для могущества Наполеона, произведенное этим сражением в Европе и в самой Франции. — Восстание немцев в тылу армии. — Опасное политическое положение Наполеона. — Обе армии снова расходятся на зимние квартиры и готовятся к весенней кампании, долженствующей решить участь войны и Европы. — Надежда всей Европы на русское могущество и величие души императора Александра. — Учреждение Прейсиш-Эйлауского знака отличия

и солдатского Георгиевского креста. — Пенсион вдовам и детям
 воинов, павших на поле брани. — Выступление в поход Уланского его
 высочества полка. — Образцовый поход. — Первые нужды походной
 жизни. — Уланы-людоеды. — Образ жизни крестьян в Петербургской,
 Лифляндской и Курляндской губерниях. — Тогдашнее лифляндское
 и курляндское дворянство. — Дерпт, Рига, Митава. — Несколько идей
 о евреях и несчастных женщинах. — Благородный поступок уланских
 офицеров и радость цесаревича. — Достопамятные его слова. —
 Добрый полковник Чаликов и фонтеры-понтеры. —
 Кратковременный отпуск 260

II Четыре стихии древней Польши. — Две главные пружины общества
 в Польше, за сорок лет пред сим: женщины и евреи. — Еврейские
 известия о политических и военных событиях. — Дядя, приор
 Доминиканского монашеского ордена. — Состояние католического
 духовенства в то время. — Фундуши. — Тогдашнее состояние духовных
 католических школ. — Обманчивые прокламации Наполеона. — Здравая
 политика моего дяди. — Монастырская жизнь. — Переход за границу
 и прибытие в армию. — Взгляд на Восточную Пруссию и Самогитию,
 или Жмудзь. — Фуражировка. — Насильственное знакомство,
 превратившееся в тесную женскую дружбу. — Французский
 бивак в нашей полковой штаб-квартире. — Нежное обращение
 с французами. — Бездействие Наполеона, удивлявшее всю Европу. —
 Роскошная жизнь его в Финкенштейне. — Полька-утешительница. —
 Неудачные переговоры о мире. — Начало военных действий. —
 Взгляд на театр войны. — Очерк главной квартиры. — Провиантские
 чиновники. — Карточная игра и дуэли. — Жизнь на карте. —
 Передняя главнокомандующего. — Знакомство с генералом бароном
 Беннигсенем. — Дежурный генерал А.Б. Фок. — Обманутые надежды. —
 Обед у главнокомандующего и занимательная военная беседа
 за столом. — Французские биваки под Гутштадтом. — Изувеченный. —
 Дело при Пассарге. — Геройский подвиг лейб-гвардии Егерского
 полка. — Отчаянное дело тайного советника графа П.А. Строганова. —
 Характеристика этого вельможи. — Отступление от Пассарги
 к Гейльсбергу. — Блистательные подвиги подполковника Кульнева
 и майора Атаманского казачьего полка Балабина. — Гейльсбергское
 сражение. — Первый убитый возле меня человек. — Атаман войска

Донского М.И. Платов. — Атаманский полк. — Искусный маневр Наполеона. — Отступление русской армии от Гейльсберга. — Беннигсен в Шиппенбейле. — Превосходный план Беннигсена. — Кавалерийское дело под Фридландом, 1 июня. — Геройский подвиг уланского поручика Старжинского. — Несчастный случай, имевший влияние на участь генерального сражения, 2 июня. — Свалка с французскими драгунами. — Наша счастливая атака французских кирасиров и драгун. — Кавалерийское сражение на правом фланге — и победа. — Отчаянное положение нашего правого фланга и всей кавалерии. — Геройское намерение князя Горчакова. — Переход чрез реку Алле, вплавь. — Ретирада. — Переход чрез реку Неман всей русской армии и окончание военных действий 290

III Парламентеры. — Перемирие. — Состояние обеих армий после Фридландского сражения. — Обоюдная потребность мира. — Свидание императора Александра и Наполеона на реке Немане. — Император Александр и его высочество цесаревич переезжают в Мемель. — Отряд русской гвардии занимает часть города. — Обоюдные вежливости и награды орденами. — Тильзитский мир. — Отпуск. — Грустные впечатления. — Еврей Иосель. — Генеалогический очерк последних князей Радзивиллов, знаменитой Несвижской линии. — Последние черты феодальности в Европе, или Несвиж при князе Карле Радзивилле. — Черты из жизни князя Карла Радзивилла и анекдоты о нем. — Потомство от брачного союза с сиренуо. — Прогулка на лососе. — Дикий кабан на снурке. — Вызов на поединок покойника. — Последний пан польский князь Доминик Радзивилл. — Пребывание в Несвиже. — Жизнь в замке князя Доминика Радзивилла. — Неприятная история. — Состояние западных губерний. — Возвращение в полк. — Милость и гнев. — Вступление полка в Петербург. — Общее мнение о Тильзитском мире. — Мое мнение о Тильзитском мире. — Благие его последствия вознаграждают временное оскорбление народного самолюбия. — Генерал Савари, чрезвычайный посол в Петербурге. — Прием его при дворе и в высшем обществе столицы. — Анекдоты о Вакселе. — Политические партии. — Русское посольство в Париже. — Современные лица. — Французское шпионство в России. — Похождения с демоном-соблазнителем. — Необыкновенное веселие в Петербурге. — Многолюдство в Стрельне. — Офицеры из всех полков

русской кавалерии, для узнания порядка службы. — Трагикомическое происшествие. — Мертвец в маскарade Фельета. — Несчастные жертвы судебного заблуждения. — Быстрые начала к улучшениям в врангах и управлении 333

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Предисловие 382

I Первая награда. — Общая характеристика Финляндской войны 1808 и 1809 годов. — Необходимость завоевания Финляндии. — Первая идея принадлежит Петру Великому. — Опасность близости границ от столицы империи. — Выходка шведского короля Густава IV в начале царствования императора Александра. — Мысль о распространении границы на севере существовала прежде Тильзитского мира. — Анекдот, доказывающий справедливость этого мнения. — Несогласия с Швециею после Тильзитского мира. — Войско собирается на границе. — Граф Буксгевден, назначенный главнокомандующим, вступает в шведскую Финляндию. — Физический очерк Финляндии в стратегическом отношении. — Шведское войско в Финляндии. — Первый падший воин на рубеже Финляндии. — Успехи русского войска. — Трудности похода. — Первая неудача. — Отражение Кульнева. — Истребление отрядов Булатова и Обухова. — Восстание жителей. — Затруднительное положение генерала Тучкова 1-го. — Его отступление. — Бригадир Сандельс занимает Куопио. — Свеаборг и Свартгольм сдаются русским на капитуляцию. — Шведы занимают снова Аландские острова. — Барклай-де-Толли получает приказание вступить с своей дивизией в Финляндию 383

II Второму батальону Уланского его высочества полка внезапно повелено выступить из Петербурга и присоединиться к дивизии Барклай-де-Толли. — Мы выступаем в поход. — Характеристика офицеров второго батальона Уланского его высочества полка. — Старинные донцы. — Мы соединяемся с дивизией Барклай-де-Толли. — Первая встреча с шведами под Иороис-Киркой. — Партизанская

и народная война. — Взятие Варкгауза. — Разбитие шведского арьергарда, послужившее нам во вред. — Шведские партизаны отбивают у нас подвижной магазин и истребляют понтонную роту. — Занятие Куопио с боя и отступление шведов за озеро в крепкую позицию при Тайвола. — Тогдашнее состояние города Куопио. — Довольство среди общего недостатка. — Даровой трактир для друзей и добрых товарищей. — Веселая жизнь в Куопио 404

III Генерала Тучкова 1-го сменяет генерал Раевский в командовании передовым действующим корпусом. — Распоряжения главнокомандующего к изгнанию шведской армии из Финляндии. — Невозможность исполнения этого плана. — Барклай-де-Толли выступает из Куопио на помощь Раевскому, оставляя в городе генерала Рахманова только с 3 000 человек. — Раевский доведен до крайности и отступает перед шведским генералом Клингспором. — Шведы делают безуспешные высадки близ Або и Вазы. — Беспорядки в Вазе. — Восстание в Финляндии усиливается. — Полковник Сандельс, пользуясь отсутствием Баркляя-де-Толли, нападает два раза на Куопио, но отбит русскими. — Подробности сражений. — Опасное положение Куопийского отряда. — Барклай-де-Толли возвращается в Куопио. — Сандельс в ту же ночь снова атакует Куопио со всею своею силою. — Барклай-де-Толли разбивает шведов. — Блистательные подвиги лейб-егерского батальона. — Канонирские лодки приходят в Куопио под начальством лейтенанта Колзакова. — Прибытие полковника маркиза Паулуччи в армию для освидетельствования ее, и приезд его в Куопио. — Уважение и любовь войска к Баркляю-де-Толли. Характеристика его и жизнеописание до этой эпохи. — Барклай-де-Толли по болезни оставляет армию. Корпус его поручен генералу Тучкову 1-му. — Отряд полковника Сабанеева выслан из Куопио к корпусу графа Каменского. — Наш эскадрон поступает в этот отряд. 414

IV Тогдашнее состояние Финляндии. — Города. — Отношения Финляндии к Швеции. — Просвещение. — Образ жизни. — Дворянство и духовенство. — Нравственность народа. — Анекдот, доказывающий религиозность и высокое уважение общего мнения в финляндском народе. — Мнение большинства в дворянстве и в простом народе о войне с Россией. — Откомандировка для поимки шведского

полковника Фияндта. — Лазутчик. — Добродушие наших врагов. — Политические разговоры с помещиком и с поселянами. — Поход отряда Сабанеева чрез внутренность страны из Куопио к корпусу графа Каменского. — Дружба с молодым ученым финляндским патриотом. — Надежда финского народа. — Чем кончится женский патриотизм. — Характеристика Ивана Васильевича Сабанеева. — Мы примыкаем к корпусу графа Каменского. — Вести с береговых отрядов. — Опасности, которым подвергались граф Буксгевден и граф Каменский. 436

V Состояние русских войск к 1 августа 1808 года. — Маркиз Паулуччи привозит из Петербурга проект перемирия с шведами до зимы. — Любопытная встреча маркиза Паулуччи с главнокомандующим, характеризующая обоих. — Верный очерк маркиза Паулуччи. — Главнокомандующий не соглашается на перемирие и избирает графа Каменского для изгнания шведского войска из Финляндии. — Характеристика графа Николая Михайловича Каменского. — Геройский дух времени, припоминающий древнюю Спарту и блистательную эпоху Рима. — Положение дел во время принятия начальства графом Каменским над корпусом генерала Раевского. — Число шведских войск. — Состав корпуса графа Каменского. — Начало наступательных действий графа Каменского. — Блистательное авангардное дело полковника Властова. — Местность и подробности сражения. — Властов разбивает наголову полковника Фияндта. — Неудача полковника Эриксона. — Геройский подвиг майора Гласкова. — Кровопролитное трехдневное сражение при Куртане. — Местность и подробности сражения. — Шведы после мужественного сопротивления уступают настойчивости русских. — Преследование шведов нашим авангардом. — Характеристика знаменитого Кульнева, командовавшего авангардом в чине полковника. — Участие двух эскадронов нашего полка в сражении при Куртане. — Новый стратегический план графа Каменского. — Обходы, опасность обходного отряда Казачковского под Ньюкарлеби и под Нидергерми. — Знаменитое сражение под Оровайси. — Чудеса храбрости русских воинов. — Граф Каменский исторгает победу у шведов своею решительностью и заставляет их отступить. — Местность и подробности сражения. — Адъютант графа

Каменского капитан Арсений Андреевич Закревский. — Вступление графа Каменского в Гамлекарлеби. — Перемирие. — Главная квартира переносится в Гамлекарлеби	458
VI Солдатское сердце. Эпизод	491

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I Нужда во время войны. — Отдых в Гамлекарлеби во время перемирия. — Шумная жизнь. — Неудача нового Париса. — Балы графа Н.М. Каменского. — Любимый его адъютант А.А. Закревский. — Полковник (впоследствии генерал) Эриксон; его характер и происхождение. — Страшная ночь. — Благородство простого народа в Финляндии. — Комитет министров в отсутствие государя императора не утверждает перемирия. — Причины. — Участие в военных распоряжениях графа Аракчеева. — Достопамятные его слова. — Государь император утверждает решение Комитета министров . . .	500
---	-----

II Беглый взгляд на политическое состояние Европы в 1808 году. — Войны Наполеона. — Байонская драма, или Лишение престола Бурбонов испанской линии и плен их. — Характеристика испанского королевского семейства. Король Карл IV. Королева. Принц Астурийский, впоследствии король Фердинанд VII. — Королева Этрурии и дон Антонио. — Эмануил Годои, Князь Мира. — Несогласия в королевском семействе. — Взятие под стражу и отдавание под суд принца Фердинанда. — Проект разделения Португалии. — Французы идут через Испанию в Португалию. — Португальская королева Мария Франциска Елизавета и регент дон Жуан. — Лишение престола Браганцской фамилии. — Французская армия занимает почти половину Испании. — Народное возмущение в Мадриде и Аранжуэсе. — Что значит народ в Испании. — Низвержение Князя Мира. — Карл IV отказывается от престола в пользу Фердинанда и тайно протестует против отречения, прося защиты у Наполеона. — Мюрат с французским войском вступает в Мадрид. — Испанское королевское семейство приезжает в Байону для свидания с Наполеоном. — Первое свидание

Карла IV и королевы с их сыном. — Первое возмущение испанцев в Мадриде противу французов. — Битва и казни. — Второе свидание королевской испанской фамилии. — Фердинанд принужден отречься от престола в пользу отца, а Карл IV передает права на престол Наполеону. — Единственный посторонний зритель Байонской драмы князь Александр Иванович Чернышев. — Испанский король Иосиф, брат Наполеона. — Начало общего возмущения в Испании. — Англичане делают высадку в Португалии. — Неудачи французов. — Маршал Жюно сдает Португалию англичанам. — Англичане берут в Лиссабоне русский флот адмирала Сенявина. — Огромная помощь Испании со стороны Англии. — Межевание Европы Наполеоном. — Общее негодование народов и государей. — Волнение умов в Германии. — Добродетельный союз (Tugendbund). — Надежда Европы на Россию. — Эрфуртский конгресс и его последствия. — Наполеон и Сперанский 512

III Граф Буксгевден просит увольнения от звания главнокомандующего. — Положение обеих армий пред началом военных действий. — Граф Клингспор сдает начальство генералу Клеркеру. — Наступательные действия русских войск. — Неудача генерала Тучкова 1-го при штурме Индесальмских дефилей. — Смерть князя Петра Петровича Долгорукова и его характеристика. — Граф Каменский идет вперед. — Знаменитый обход графа Каменского при Калаиоки. — Ночное нападение Сандельса на лагерь генерала Тучкова 1-го. — Барон Матвей Иванович фон дер Пален (ныне генерал от инфантерии, а тогда ротмистр) спасает наш авангард от истребления. — Новый блистательный подвиг лейб-егерского батальона. — Переход графа Каменского через реку Пигаиоки. — Новая конвенция с шведами при Олькиоки, по которой генерал Клеркер уступает русским всю Финляндию до Торнео. — Перечень трудов и подвигов корпуса графа Каменского. — Отъезд графа Каменского в Петербург и прощание его с подчиненными. — Перечень моих воспоминаний о перенесенных трудах и нуждах в этот поход. — Отравление. — Соединение с корпусом генерала Тучкова 1-го в Лиминго. — Известие о смерти Лопатинского. — Вступление в Улеаборг. — Приятная жизнь в этом городе после военных трудов. — Военные анекдоты. — Воспоминание о храбром

Голешеве. — Смерть Вильбоа и Штакельберга. — Весь-гом. — Благородное обхождение с пленными в обеих армиях. — Две ужасные сцены, которых я был свидетелем. — Капитан Фукс и его саволакские драгуны. — Возвратный поход в Петербург. — Опасность, которой я подвергался в Нейшлоте. — Характеристика графа Ф.И. Т.... го, прозванного Американцем. — Несчастливая дуэль и смерть А....ра И....ча Н....на. — Наше торжественное вступление в Петербург. — Результаты кампании 1808 года	539
IV Перемены в финляндской армии. — Заслуги графа Аракчеева. — Переход Баркляя-де-Толли по льду чрез пролив Кваркен в Швецию. — (Эпизод). — Какие чувства остались во мне к народам, с которыми мы воевали	562
V Достопамятные преобразованиями и усовершенствованиями годы 1808, 1809 и 1810. — Народное просвещение. Основание его в Главном правлении училищ. — Университеты, гимназии и школы. — Общий порыв к содействию правительству в деле просвещения народного. — Уничтожение преимуществ придворных званий. — Условия производства в гражданские чины. — Государственный совет. — Министерства. — Главные сановники и чиновники, деятели тогдашней эпохи. — Граф Н.П. Румянцев. — Комиссия о составлении законов с Высшим училищем правоуказания. — Комиссия прошений. — Почтовое управление. — Исполнительная часть в столице. — Важнейшие посольства. — Высочайший двор. — Военный двор его императорского высочества цесаревича, великого князя Константина Павловича. — Особы при воспитании их императорских высочеств государей, великих князей. — Генерал-адъютанты. — Флигель-адъютанты. — Гвардия. — Словесность. — Театр. — Писатели. Ученые. Художники. — Педагогический институт. — Осип Петрович Козодавлев. — Михаил Леонтьевич Магницкий. — Окончателное устройство Государственного совета. — Перемены в министерствах и в других высших правительственных местах. — Перемены в гвардии. — Граф Василий Васильевич Орлов-Денисов. — Краткая характеристика тогдашней эпохи. — Биографический и характеристический очерк М.М. Сперанского	571

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

I Кронштадт за сорок лет пред сим. — Наружный вид. — Женское общество, высшее и низшее, или П р а в а я л е в а я сторона. — Вечеринки. — Дикий француз и своякья его жена. — Старый воин времен румянцевских, потемкинских и суворовских 602

II Нечто вроде сцены из страшной мелодрамы. — Зверские инстинкты одичалого француза. — Приглашение на нукагивскую трапезу. — Примирение супругов. — Перемена квартиры. — Оригинальный хозяин. — Очерк старинных мещанских нравов. — Поездка морем в Петербург. — Буря. — Судокрушение. 610

III Нежные чувства старого воина, моего начальника. — Его особенная ко мне милость. — Польша в конце XVIII века. — Рассказы моего начальника о Суворове и о Пражском штурме 621

IV Старинное русское военное хлебосольство. — Добрый и любезный антипод моего начальника. — Я принужден быть стихотворцем. — Последняя перемена квартиры. — Польские шляхтянки и их характеристика. — Русская торговля и контрабанда вследствие континентальной системы. — Жизнь л е в о й стороны кронштадтского женского общества. — Предтеча н а т у р а л ь н о й школы. — Кронштадтский каторжный двор. — Типы старинных разбойников. — Комическая сцена с диким французом. — Окончательная участь дикаря и его жены. — Лифляндия и Ревель за сорок лет пред сим. — Я оставляю военную службу 633

V Похищение жидовки: трагикомедия. — Война с жидами. — Разбойничий вертеп. — Хладнокровие и мужество женщины побеждают разбойников. — Старинное своеволие. — Поездка к родным в Гродненскую губернию. — Старинные похвальные нравы и обычаи. — Приключение в Клецке, за которое дорого заплачено по прошествии сорока лет. — На чем было основано могущество жидов в Польше. — Знакомство с родственниками. — Старинная польская охота. — Старинный польский магнат. — Память о пройдохе

Казанове. — Я отправляюсь в Варшаву. — Тогдашнее бедственное положение герцогства Варшавского. Варшава в то время. — Театр и тогдашние артисты. — Характеристика князя Иосифа Понятовского. — Храбрый воин из жидов полковник Берко. — Смерть его. — Я отправляюсь в Париж. — Тогдашняя Германия. — Дух народа. Нравы и обычаи. Немецкая ученость. — Влияние германских университетов на общее мнение.	649
--	-----

БУЛГАРИН КАК МЕМУАРИСТ

1

7 декабря 1845 г. в книжные магазины М.Д. Ольхина в Петербурге и Москве поступила в продажу первая часть «Воспоминаний» Ф.В. Булгарина. На следующий день объявление об этом появилось в «Северной пчеле», где сам автор в очередном субботнем фельетоне сообщал: «Вчера вышла в свет книга под названием “Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни”. Господа журналисты, устройвайте свои батареи, окопы и подкопы, вывозите орудия и высылайте застрельщиков. Вот он! *Воспоминания из жизни* — то же, что жизнь; итак, жизнь его в ваших руках! Бей наповал, жалеть нечего! Опасности для критиков нет никакой, потому что ответа не будет, а когда нет опасности, тогда все храбры. Людям, находящимся вне критического поприща, скажем иное. <...> Теперь вышла в свет *первая* часть, а *вторая* часть печатается и выйдет к Новому году. Будет ли более частей или нет, сам автор не знает и ничего не обещает»¹. Через день вышел в свет декабрьский номер журнала «Библиотека для чтения» с журнальным вариантом, а в начале января — вторая часть «Воспоминаний». При этом Булгарин, по своему обыкновению опережая критику, вызывал огонь на себя: «Журналы еще до сих пор не разобрали “*Воспоминаний Фаддея Булгарина*”! Острые штыки и заряжают орудия <...>. Чего ждать... стреляйте!»²

Так началась растянувшаяся на несколько лет публикация многотомного жизнеописания популярного писателя и журналиста Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789–1859). Все свидетельствовало о хорошо продуманной маркетинговой стратегии: выход в свет накануне нового года, одновременный выход из печати отдельного и журнального изданий. Однако литературный проект, на который Булгарин возлагал большие надежды, вызвал предсказуемую негативную реакцию литературного сообщества. В результате издание было прекращено в 1849 г. после выхода шестой части, хотя ранее редакция «Библиотеки для чтения» сообщала, что приобрела «от знаменитого автора» все десять частей его «Воспоминаний»³.

¹ Ф. В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1845. № 277. 8 дек.

² Ф. В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1846. № 4. 5 янв.

³ Библиотека для чтения. 1848. Т. 86. Отд. I. С. 165.

Тем не менее в истории отечественной литературы этот факт беспрецедентен: впервые в России известный писатель при жизни опубликовал воспоминания о себе. С одной стороны, «Воспоминания» явились закономерным итогом литературной деятельности Булгарина, «последней апелляцией к публике»⁴, попыткой откорректировать сложившуюся к этому времени репутацию. С другой — Булгарин как всегда чутко угадал современные литературные тенденции и читательские запросы.

Во-первых, к 1840-м гг. интерес широкого читателя сместился от активно развивавшейся в отечественной словесности в предшествующее десятилетие исторической беллетристики к мемуарам. К этому времени завершил свои воспоминания И.И. Дмитриев, появились мемуарные очерки С.Н. Глинки и Н.И. Греча, приступил к работе над мемуарами Ф.Ф. Вигель. Однако, даже будучи ориентированы на публику, в отличие от записок для себя и узкого круга читателей (о чем свидетельствует публикация в периодике), в виде авторского жизнеописания, выпущенного отдельным изданием, в соответствии с литературно-этическими понятиями эпохи и нормами книгоиздательского дела, эти мемуары увидели свет лишь после смерти их авторов⁵.

Во-вторых, появился культурный запрос на писательскую биографию, свидетельствующий о закреплении особого общественного статуса писателя. Булгарин полагал, что в начале 1830-х гг. А.Ф. Смирдин положил «первое основание новому сословию — сословию литераторов»⁶. Среди событий, легитимирующих новое сословие в общественном сознании, — первое празднование в феврале 1838 г. писательского юбилея (пятидесятилетия литературной деятельности И.А. Крылова), открытие памятников Г.Р. Державину в Казани и Н.М. Карамзину в Симбирске. Булгарин высоко оценивал заслуги Карамзина и причислял себя к писательскому поколению, созданному им.

Среди причин, вызвавших к жизни булгаринские мемуары, нельзя сбрасывать со счетов и изменившуюся общественную атмосферу, сопровождавшуюся усилением цензурного гнета: начало 1840-х гг. отмечено резкими конфликтами Булгарина с цензурой⁷, осложнением отношений

⁴ [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. Ч. 1] // Финский вестник. 1846. Т. 7. Отд. V. С. 32.

⁵ Вигель Ф. Ф. Воспоминания Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1864–1865. Ч. 1–7; Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866; Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб., 1886; Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895.

⁶ Булгарин Ф. О общеплезном предприятии книгопродавца А.Ф. Смирдина // Северная пчела. 1833. № 300. 30 дек.

⁷ См. отражение этих событий: Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 244, 251, 272–276.

с властными структурами. Так, в период хлопот (которые велись через графа А.Ф. Орлова) о разрешении печатать в «Северной пчеле» частные объявления Булгарин писал Н.И. Гречу 15 июня 1844 г.: «...я ни за какие блага в мире не пойду к графу О[рлову]. <...> Граф О[рлов] — быть может, человек прекраснейший, но я его вовсе не знаю, и чужд ему. Полагаю даже, что он из числа тех русаков, которые вменяют мне *в преступление* мою наполеоновскую службу <...>. Зачем же мне унижать седую голову мою, склоняя ее перед человеком, который не хочет или не умеет постигнуть тогдашнего моего положения?»⁸ Близко по духу и булгаринское письмо к Л.В. Дубельту от 21 ноября того же года.⁹ Сложившиеся обстоятельства могли спровоцировать желание завершить «Воспоминаниями» литературную карьеру и окончательно осесть в своем прибалтийском имении Карлово под Дерптом.

Нельзя исключать и влияние на Булгарина его ближайшего соратника Н.И. Греча, опубликовавшего в 1830-х гг. несколько мемуарных очерков, в которых тот утверждал память как единственную оставшуюся творческую силу: «А мы, запоздалые, что создадим в камере-обскуре, действительно темной храмине нашего воображения? <...> Все, что я ни делаю, о чем ни помышляю, сбивается у меня на воспоминания»¹⁰. Наконец, немаловажным биографическим моментом, инициирующим подведение итогов, мог быть пятидесятилетний юбилей Булгарина, пришедшийся на 1839 г.

К началу работы над «Воспоминаниями» Булгарин не был новичком в мемуаристике. В какой-то мере своеобразной подготовкой к ней стала его деятельность как автора некрологов, печатавшихся на страницах «Северного архива», «Литературных листков» и «Северной пчелы», в этом качестве он был хорошо известен читателю. Обращаясь в апреле 1845 г. к Л.В. Дубельту за материалами для биографии недавно умершего Н.С. Мордвинова, Булгарин, явно преувеличивая количество своих статей-некрологов, писал: «Судьба предоставила мне печальную обязанность быть биографом почти всех замечательных лиц, скончавшихся в России, в течение 26 лет»¹¹. Некоторые статьи, посвященные знакомым Булгарину лицам, перерастали формальное жанровое задание, включая мемуарный

⁸ Переписка Н.И. Греча и Ф.В. Булгарина // Рейтблат А.И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М., 2016. С. 399.

⁹ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтבלата. М., 1998. С. 467.

¹⁰ Греч Н.И. Воспоминания юности // Новогодник. СПб., 1839. С. 218.

¹¹ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. С. 470.

элемент¹². В периодике не раз появлялись мемуарные сочинения Булгарина, представлявшие собой по преимуществу очерки-портреты исторических лиц, помещенные в картины быта и нравов эпохи¹³. По свидетельствам современников, ему удалось живо и точно запечатлеть характерные черты Карамзина, Грибоедова, Крылова. Вместе с тем его мемуарные очерки о выдающихся людях эпохи в силу своей жанровой природы предполагали открыто выраженное личностное начало, организующее воспоминание как текст, в итоге — отблеск славы и величия замечательных современников падал на Булгарина, вызывая негодование литературных противников и провоцируя многочисленные эпиграммы, вроде саркастических строк Вяземского: «К усопшим льнет, как червь, Фиглярин неотвязный...» (1845)¹⁴. Однако даже самым непримиримым критикам Булгарина нечего было противопоставить ему как мемуаристу — зачастую он оказывался единственным запечатлевшим облик ушедшего незаурядного человека. Такова была ситуация с возмущившим пушкинское окружение (и вызвавшим у Пушкина желание ответить) мемуарным очерком о Карамзине, названным В.Э. Вацуру «лучшим из современных рассказов об историографе»¹⁵.

Неизвестно точно, когда Булгарин начал работу над «Воспоминаниями». Возможно, что записки дневникового или мемуарного характера он вел и раньше, по крайней мере, об этом свидетельствуют описания событий многолетней давности и появившиеся на раннем этапе его литературной деятельности подзаголовки военных рассказов «из записок» или «из воспоминаний»¹⁶, но лишь в статье «Театральные воспоминания

¹² См., например: Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // Сын отечества и Северный архив. 1830. № 1. С. 3–42; Воспоминания о Д. М. Княжевиче // Северная пчела. 1844. № 279. 8 дек.; Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений // Северная пчела. 1845. № 8, 9, 11, 12 янв.

¹³ См.: Встреча с Карамзиным // Альбом северных муз. СПб., 1828. С. 137–168; Как люди дружатся (из воспоминаний Ф. Б.) // Северная пчела. 1837. № 47. 2 марта.

¹⁴ Вяземский П. А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 240.

¹⁵ Вацуру В. Э. Встреча (Из комментарий к мемуарам о Карамзине) // Вацуру В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 135.

¹⁶ См.: Ф. Б. Знакомство с Наполеоном на аванпостах под Бауценом 21 мая (н.с.) 1813 года (Из записок польского офицера, находящихся еще в рукописи) // Сын отечества. 1822. № 41. С. 13–20; Ф. Б. Невольное убийство: истинное происшествие (Отрывок из моих записок) // Северная пчела. 1825. № 78. 30 июня; Ф. Б. Ужасная ночь (Отрывок из рукописи «Военные рассказы и воспоминания») // Северная пчела. 1826. № 7, 8, 16, 19 янв.; Ф. Б. Опасность в чужой беде (Отрывок из рукописи «Воспоминания и проч.») // Северная пчела. 1826. № 110. 14 сент. В «Воспоминаниях об Испании», несмотря на название не являвшихся мемуарами, автор обещал читателю полное издание своих записок (Булгарин Ф. Воспоминания об Испании. СПб., 1823. С. 31).

моей юности»¹⁷ можно увидеть предвестие будущего автобиографического проекта. Начало 1840 г. и границу нового десятилетия Булгарин отметил редакционной статьей о своем поколении как свидетеле знаменательной исторической эпохи: «Еще пролетит столько же времени, и на земном шаре останется едва несколько человек встречавших уже в зрелом возрасте Новый год нового века! Очевидное свидетельство превратится в предание, и в конце текущего века едва будут верить тому, что мы видели в первой его половине. <...> Мы не догадывались, что вступаем в век чудес и славы, когда детскою рукою писали впервые на школьной доске 1800 год!»¹⁸ Этот пассаж отзовется во Вступлении к «Воспоминаниям», мотивируя их задание: «Жил я в чудную эпоху, видел вблизи вековых героев, знал много людей необыкновенных...». Из переписки Булгарина достоверно известно, что в 1843 г. работа над мемуарами уже велась¹⁹.

Работал Булгарин быстро, интенсивность его литературного труда поразительна. Достаточно напомнить, что в те же самые годы, когда пишутся первые части «Воспоминаний», он издает «Северную пчелу», регулярно помещает в периодике свои статьи, совместно с Н. А. Полевым пишет для «Библиотеки для чтения» роман-фельетон «Счастье лучше богатства».

2

Приступая к «Воспоминаниям», Булгарин, безусловно, осознавал новизну и нетривиальность предприняемого им литературного шага. Архаичность поэтики — общее место при оценке булгаринского литературного наследия, однако нельзя не заметить, что и литературные новации он считывал едва ли не быстрее других, небезуспешно осваивая их. Наследник риторической эпохи, он чрезвычайно чуток к жанровым характеристикам произведений. В этом отношении принципиально уточняющее название, данное им своим мемуарам: «Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни». Такая форма позволяла избежать окончательных оценок героя, его жизненного пути и места в истории, а главное, давала возможность свободы как в отборе событий, так и в принципах организации повествования. Не случайно он согласился с определением

¹⁷ Булгарин Ф. Театральные воспоминания моей юности // Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. Т. 1. Кн. 3. С. 9–29.

¹⁸ Беглый взгляд на время, протекшее между 1800 и 1840 годами (Воспоминание в Новый год) // Северная пчела. 1840. № 1. 2 янв. (Атрибутировано Булгарину А. И. Рейтблатом.)

¹⁹ См.: Письма Булгарина к Н. И. Шенигу // Рейтблат А. И. Указ. соч. С. 270–271.

своей мемуарной манеры как импровизационной²⁰. Впервые за долгий литературный путь Булгарин декларирует независимость от публики, претендуя на некоторую творческую свободу: «...не принимаю никакой обязанности перед публикою» (с. 50). Традиционная для него проsvетительская интенция — стремление сочетать добро, истину и пользу («излить чувства моей благодарности», «высказать несколько полезных истин», «представить подлинную характеристику моего времени») неожиданно корректируется субъективной установкой, коренящейся в самой психологии мемуарного творчества, открывающей новую грань авторской личности: «При воспоминании прошлого кажется мне, будто жизнь моя расширяется и увеличивается и будто я молодею! <...> Пишу с удовольствием, потому что это занимает меня...» (с. 49).

Избранная жанровая форма не освобождала, однако, от поисков начала, придающего цельность биографическому нарративу, каковым предсказуемо оказывалась личность автобиографического героя, что предполагало внимание к «природе человеческой» и к социальной сущности человека. Первая, по мнению Булгарина, дает о себе знать в детские годы, а вторая принадлежит эпохе зрелости человека, его вступления в гражданское общество, следовательно, полагает он, принципы повествования не могут не учитывать этой разницы в частях, посвященных разным этапам становления героя. Иногда эти аспекты постижения личности остаются лишь декларированными, но именно они призваны собрать «отрывки» в единый текст. Необходимо было найти тот биографический сюжет, который восстановил бы целостность личности мемуарного героя, утраченную в глазах русского читателя Булгариным-литератором: широкая публика знала его как популярного писателя, в прошлом опытного военного, а для писательского литературного сообщества он давно стал репрезентантом петербургской торговой словесности, воплощением продажного журналиста. Выразительная деталь — летом 1840 г. на петербургской сцене шла пьеса Н. А. Полевого «Солдатское сердце», посвященная подвигу милосердия и терпимости, совершенному уланским офицером Булгаровым, прототипом которого послужил Булгарин, а осенью того же года публика смеялась над водевилем Ф. А. Кони «Петербургские квартиры»²¹, где в продажном журналисте Задарине столичному зрителю легко было узнать редактора «Северной пчелы».

²⁰ См.: *Греч Н.* [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина: В 2 ч. СПб., 1846] // *Северная пчела.* 1846. № 147. 4 июля.

²¹ Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. Ч. IV. С. 3–42.

Читатель был отчасти знаком с болгаринской биографией и благодаря его военным рассказам, не случайно Булгарин напомнил об этом во Введении. Предупреждая о характере повествования, он по сути назвал типы исторического повествования, освоенные им в жанрах исторической прозы (документально-исторические очерки, военные рассказы как вид исторической беллетристики и отделяемую от них собственно мемуаристику — «повести, основанные на истинных событиях»), и заверил: «Вообще, в моих “Воспоминаниях” нет и не будет ничего *выдуманного* мною» (с. 50).

Беллетристический и мемуарный модусы изображения осознаются Булгариным как принципиально различные. При этом напряжение возникает именно в восприятии границы фикционального и мемуарного, от которого ожидалась историческая достоверность. Уже на раннем этапе своей литературной деятельности он считал необходимым пояснить жанровую природу военного рассказа, обратившись к читателю в специальном объявлении: «Один из отличных литераторов сделал мне вопрос: все ли приключения, описанные в статье под заглавием “Военная жизнь”, случились именно со мною? <...> в сей статье собраны различные приключения, *виденные* и слышанные, для составления, так сказать, панорамы военной жизни. Различные случаи относятся к одному лицу, единственно в той цели, чтобы соблюсти план сочинения, не разрывая повествования отступлениями. Одним словом, “Военная жизнь” есть *сочинение* для изображения того, что представляется офицеру перед фронтом во время сражения и что может с ним случиться в кампании. Но главные анекдоты основаны на истине»²².

Для адекватного воплощения замысла Булгарин попытался совместить уже освоенные им литературные практики с новыми. Обещанное в подзаголовках военных рассказов «воспоминание» наконец обрело жанровое воплощение. Новизна установки маркируется в тексте: «Иное дело литературная статья, иное дело рассказ очевидца или действовавшего лица, пишущего историю или правдивые записки. Расскажу теперь с историческою точностью то, что уже рассказано было с примесью литературных цветов» (с. 491). В мемуарах Булгарин «дебеллетризует» истории, знакомые читателям его рассказов. Наиболее известная — из эпохи Финляндской кампании, когда посланный арестовать шведского пастора девятнадцатилетний корнет Булгарин (в «Воспоминаниях» он добавил себе два года) из сострадания нарушил приказ, — подверглась двойной художественной перекодировке: положенная в основу военного рассказа «Прав или виноват?», она

²² Ф. Б. Объявление от издателя // Литературные листки. 1824. № 3. С. 72.

стала основой упоминавшейся пьесы Полевого «Солдатское сердце»²³, Булгарин же поместил вставной эпизод с тем же названием (в память о Полевом) в свои «Воспоминания», очистив его от «беллетристических цветов». Главными принципами создания мемуарного текста, таким образом, провозглашаются историческая достоверность и точность.

Однако проблемой стало как художественное воплощение этих принципов, так и обоснование самого права на подобное воплощение. Понимая, что делает предметом внимания читателей и критики свою частную жизнь, обстоятельства которой не раз являлись предметом эпиграмматических и памфлетных интерпретаций, Булгарин обосновывает свое право при жизни печатать подобное жизнеописание публичностью жизни литератора и опытностью бывшего военного: «Почти двадцать пять лет сряду прожил я, так сказать, всенародно, говоря с публикою ежедневно о всем близком ей; десять лет без малого не сходил с коня, в битвах и бивачном дыму пройдя с оружием в руках всю Европу <...>. Вот права мои говорить публично о виденном, слышанном и испытанном в жизни» (с. 45).

Мемуарный сюжет должны были составить четыре тематических узла биографического повествования, восходящие к основным социальным ролям героя: польский шляхтич, боевой русский офицер, капитан французской службы, русский литератор. Из них, как известно, описаны были лишь первые два — сюжетная линия, посвященная службе под наполеоновскими знаменами, отсутствовала в связи с прекращением издания, соответственно повествование не было доведено, несмотря на обещания, до эпохи литературной деятельности героя. Однако присутствие этого последнего, чрезвычайно значимого для биографии звена и связанной с ним творческой интенции весьма ощутимо. Можно без преувеличения сказать, что мотив вражды и зависти литературных конкурентов и противников, которому противопоставлено славное военное прошлое мемуариста, в значительной мере инициирует мемуарное повествование, построенное на столкновении двух основных поприщ героя — литератора и военного, с их отчетливой иерархией и оценочной окраской. Среди причин, побудивших приняться за мемуары, Булгарин, как и следовало ожидать, указал на толки вокруг его имени, порожденные борьбой литературных партий и интересов, обещая восстановить истину ссылками на очевидцев и письменные документы.

²³ Ф. Б. Прав или виноват? // Северная пчела. 1840. № 81, 82. 10, 11 апр. Скорее всего, пьеса Полевого, как и рассказ Булгарина, были ответом на критику их литературной деятельности (в особенности упреки касались Булгарина) в «Berliner Figaro» (1840. № 80), см. появившуюся тогда же отповедь немецкому изданию: Журнальная мозаика // Северная пчела. 1840. № 82. 11 апр.

Уже в первом приложенном к основному тексту пояснении он привел документальные свидетельства о своем благородном происхождении из польского шляхетского рода Скандербеков, мотивируя это документальное включение литературно-полемическим контекстом, в котором создавалась его литературная репутация. Происхождение Булгарина было предметом иронии в эпиграммах, памфлетах и переписке пушкинского круга. Так, барон Е. Ф. Розен писал С. П. Шевыреву 16 декабря 1832 г.: «Сказывали вам Пушкин, что Булгарин домогается княжеского достоинства? Он утверждает, что он князь Скандербег-Булгарин!»²⁴ Полемика десятилетней давности между «литературными аристократами» и «торговой словесностью», в которой с «переходом на личности» публично выступили Булгарин и Пушкин, в 1840-е гг. приобрела иной характер и новых участников. Публичные критические выступления сменились непосредственной апелляцией к властям, при этом аргументация враждующих сторон, несмотря на некоторое стилистическое различие, оказывалась близкой. Темпераментный Булгарин, не стесняясь в выражениях, просил защиты от новоявленной аристократии «Отечественных записок» и «умолял о правосудии» председателя Петербургского цензурного комитета князя М. А. Дондукова-Корсакова: «Никто более меня не уважает аристократии, потому что я сам рожден в ней и повит голубыми лентами, и я не виновен, что вековые аристократии разрушаются с падением государств и лишаются влияния в отечестве победителей! Но, воля ваша, я не могу признать аристократами шайки, издающей “Отечественные записки”, которая только изменяясь в лицах, всегда действует в одном духе, чтоб овладеть *кассой* русской литературы. <...> и кто же причисляет меня к плебеям? Краевский, Кони, Белинский. — Увы!»²⁵ В свою очередь, князь В. Ф. Одоевский в 1844 г. обращался с письмом к министру просвещения С. С. Уварову «не как к министру, но как к русскому литератору и дворянину». Опасаясь неопытности цензоров и нападок Булгарина, Греча и Сенковского, он просил «принять под особое покровительство» свои сочинения «честного человека и дворянина», на которого особые обязанности налагает носимое им имя: «Я должен предохранить его от поругания всеми зависящими от меня средствами — оно принадлежит не мне одному, но всем членам моего семейства и, смею сказать, истории нашего отечества. Это имя я отдаю под вашу боярскую защиту, в полной уверенности, что моя просьба не будет

²⁴ Из бумаг С. П. Шевырева // Русский архив. 1878. № 5. С. 48.

²⁵ Булгарин Ф. Письмо к М. А. Дондукову-Корсакову от 20 ноября 1841 года // ОР РНБ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 1–1 об.; фрагмент письма см. в: Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., 1913. Т. 1, ч. 2. С. 421.

напрасна перед вами, древним русским боярином»²⁶. Уваров учтиво отказал и успокоил, что цензоры опытные: «Давать наперед официальные предписания насчет будущих разборов сочинений одного отдельного писателя было бы неудобно и даже неблаговидно для самого сочинителя...»²⁷.

«Воспоминания» давали Булгарину возможность публично обосновать свою принадлежность к древнему дворянскому роду, отвести упреки в плебействе. Своим предком он считал легендарного героя албанского антиосманского освободительного движения Георгия Кастриоти, или Скандербег (1405–1468), о котором еще в 1822 г. поместил в издаваемом им «Северном архиве» историческую статью²⁸. Возможно, что эта версия является мистификацией. Ян Тадеуш Кшиштоф (Фаддей — его русифицированное имя) Булгарин действительно принадлежал по линии отца и матери, урожденной Бучинской, к старинным шляхетским фамилиям, владевшим поместьями в Великом княжестве Литовском и (по материнской линии) в коронной Польше. Среди предков Булгарина были известные, состоятельные представители рода и менее обеспеченная, но владевшая поместьями, как его родители, шляхта.

Вопрос о происхождении имел и другую, более сложную и проблемную сторону, связанную с национальной принадлежностью. В работе, посвященной теме польского происхождения Булгарина, А.И. Рейтблат отмечает, что в сформировавшейся к 1840-м гг. репутации Булгарина, обреченного балансировать «между двумя народами, полуполяком-полурусским, оставаясь чужим и тем и другим», закрепились характерные черты: среди поляков — «ренегата и предателя польских интересов, а среди русских — проводника польского влияния или в лучшем случае человека, не знающего и не любящего Россию»²⁹. Попытка научно осмыслить эволюцию многоставной (польско-литвинской и российско-имперской) идентичности Булгарина предпринята в работах белорусского исследователя А.И. Федуты и польского историка П. Глушковского³⁰, которые убедительно показали,

²⁶ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895. Прилож. С. 53–55.

²⁷ Там же. С. 56–57.

²⁸ 50.20. [Булгарин Ф.В.?] Кастриот, названный Скандербегом // Северный архив. 1822. Ч. II. № 9. С. 161–180; № 10. С. 243–255.

²⁹ Рейтблат А.И. «Поляк примерный» // Рейтблат А.И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. С. 175.

³⁰ Федута А.И. Перамога і паразя здравяга сэнсу, або вяртанне Булгарына // Булгарын Ф. Выбранае / Укладанне, прадмова і каментар А. Федуты. Мінск, 2003. С. 5–42; Глушковский П. Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб., 2013.

что взгляды Булгарина на положение Польши и роль поляков в российской империи были устойчивы; будучи литвином, а не «короняжем» по своей идентичности, Булгарин «боролся за Польшу во время наполеоновских войн, популяризировал польскую культуру в России и даже пытался жить “по-польски” в своем лифляндском имении. Однако его польскость не исключала других идентичностей. С детства он был подданным Российской империи, которую также считал своим отечеством»³¹.

Симптоматично, что, начав работу над «Воспоминаниями», Булгарин посчитал необходимым обосновать свою идентичность публично. В статье под названием «Русские письма» он предложил свой взгляд на славянское племя «русь, или русины», потомком которого себя считал³². Указав, что принадлежит к одной из древнейших («боярских») фамилий литовско-белорусского дворянства, которое до XVII в. «до такой степени привязано было к своей православной вере и к своему языку *руському*, что никоим образом не хотело смешиваться с поляками, и польское правительство в публичных актах называло всегда тамошнее дворянство не иначе, как *русская шляхта*», он представил в доказательство два фамильных документа XVI в. из Литовской метрики. Эта точка зрения на историю Великого княжества Литовского была для Булгарина принципиальной. Государство, жители которого «называли себя *русинами* и страну свою *Русью*», как полагал Булгарин, «всегда имело противоположное с Польшею политическое стремление». Реализацией таких же стремлений представляется ему создание централизованного Московского государства: «Иоанн III предупредил то, что противу Восточной России замыслили литовские князья: уничтожил все уделы в Великой России, свергнул татарское иго и основал *Русское Царство* из областей *Великой России*, оставив своим потомкам права на присоединение *Малой России* к основанному им Царству, что и исполнилось постепенно. Нынешняя Малая Россия присоединена к Великой России в XVII веке, а Русь *Литовская* в исходе XVIII века»³³. Вот почему тогда же Булгарин писал о Суворове, разгромившем польских повстанцев, что ему «принадлежит вся честь и слава этой войны, вследствие которой присоединено к России ее древнее достояние — Белоруссия!»³⁴

Таковы были к моменту создания «Воспоминаний» публично декларируемые взгляды Булгарина на свою идентичность в большом историческом времени, положенные им в основание мемуаров.

³¹ Глушковский П. Указ. соч. С. 63, 91.

³² Русские письма Ф.Б. // Северная пчела. 1843. № 254–256. 11–13 нояб.

³³ Там же // Северная пчела. 1843. № 256. 13 нояб.

³⁴ Булгарин Ф.В. Суворов. СПб., 1843. С. 89.